ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2618-9690 (print)

2021. Том 14. Выпуск 8. С. 1558-1562 | 2021. Volume 14. Issue 8. P. 1558-1562
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Последний российский самодержец и его подданные: эволюция форм самопрезентации монархии

Кружалина А. А.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности форм самопрезентации монархии в России в период правления Николая II. Данная статья является результатом исследования трансформации имперской стратегии презентации власти. Основное внимание уделяется выявлению общих и специфических черт презентации власти в дворянской и народно-крестьянской среде. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе проблемы на основе широкого круга источников, что позволило выявить доминантные характеристики взаимоотношений монарха с подданными, а также факторы, повлиявшие на их формирование. В результате определено, что попытки последнего российского самодержца реанимировать консервативную идею единения царя с народом вполне отвечали интересам последнего, но встречали сопротивление со стороны дворянской аристократии и поместного дворянства.

EN

Last Monarch of Russia and His Subjects: Evolution of Monarchy Self-Presentation

Kruzhalina A. A.

Abstract. The paper aims to identify specificity of the monarchy image presentation in the Russian Empire during the reign of Nicholas II. The article traces evolution of the imperial self-presentation strategy. Special attention is paid to identifying common and specific features of the monarchy image presentation among the nobility and the peasantry. Scientific originality of the study lies in the fact that the author provides a comprehensive analysis of this problem using a wide range of sources, which makes it possible to identify the key principles of the monarch's relationships with his subjects, to reveal the factors influencing their formation. As a result, it is shown that attempts of the last monarch of Russia to revive the conservative doctrine of unity of the monarch and the nation were fully in tune with public interest, but were resisted among the aristocracy and the landed gentry.

Введение

Образ монарха-завоевателя, символизировавшего чужеродное начало, стал основным в мифологии русской власти уже со времен Древнерусского государства. Однако с возникновением Российской империи концептуальные основы взаимоотношений власти и подданных претерпели значительные изменения. Опираясь на выводы профессора Колумбийского университета Р. С. Уортмана [16; 17], можно заключить, что в годы правления Петра Первого образ царя и элиты трансформировался в соответствии «с западноевропейским мифом о завоевании и власти» [16, p. 66-67]. Его наследники кропотливо продолжили возносить императора и его приближенных над всеми подданными. Так сложилась элита российской монархии, которая оказалась привязана к престолу не только вознаграждениями и доходами, которые им предоставляла государственная служба, но и участием в пышных и дорогостоящих церемониях при дворе, демонстрирующих пример ожидаемых монархом форм повиновения.

Не случайно посетивший Россию в 1839 г. Астольф де Кюстин заметил, что «Российская империя – это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами… Россия – страна фасадов. Прочтите этикетки – у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей… Это страна, в которой правительство говорит, что хочет, потому что оно одно имеет право говорить…» [10, с. 432-439].

Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом исторического сообщества и российской общественности к противоречивой персоне Николая II. Кроме того, в юбилейный для Российской империи

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns210279

© 2021 Авторы. ООО Издательство «Грамота» (© 2021 The Authors. GRAMOTA Publishers). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

год особую актуальность для исследователей приобретают не только факторы, повлиявшие на создание и укрепление империи, но и обстоятельства её распада. В связи с чем весьма интересно обратиться к изучению используемых российскими самодержцами моделей презентации власти, дабы убедиться или опровергнуть идею о том, что к началу XX столетия монархия «изжила себя» и была крайне непопулярна среди подданных самых различных социальных положений.

Для достижения цели были определены следующие задачи: пояснить позицию императора в отношении различных социальных групп; выявить основные формы и способы взаимодействия власти с подданными (дворянской аристократией, интеллигенцией, народом); обосновать правомерность отождествления политики Николая II с традиционалистскими ценностями.

В статье применяются следующие методы исследования: историко-генетический метод и метод контент-анализа. Благодаря использованию системного подхода обеспечивается аналитическое описание моделей взаимодействия власти и общества.

Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных авторов: Р. С. Уортмана [16; 17] и Д. Ливена [15]; работы отечественных ученых, таких как Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин [1], Г. З. Иоффе [6], С. Л. Фирсов [12], в которых характеризуется личность императора Николая II, его отношение к различным слоям населения и отдельным их представителям и концептуальные основы политики последнего российского самодержца.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в педагогической деятельности, в рамках преподавания данной эпохи на разных уровнях образования (от средней школы до аспирантуры).

Кризис форм презентации монархии

Формы презентации монархической нации претерпели существенные изменения только начиная с середины XIX столетия. В правление Александра II на смену идеям укрепления связей монарха с элитой приходит концепция единства монарха и русского народа. При Александре III окончательно оформляется «национальный миф» царской власти, представлявший Россию неевропейской монархией, вызревшей из недр менталитета русского народа [14, с. 99].

Таким образом, к концу XIX столетия петровский образ монарха как воплощения западной монархической традиции канул в лету. Русь Московская стала историческим идеалом, а лежавшая в ее основе идея этнического и конфессионального единства народа предопределила поворот политики самодержавия в направлении принудительной русификации.

После обнародования манифеста царя-освободителя «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» власти стали чаще задействовать народ в царских церемониях. Подобные «акции» должны были продемонстрировать привязанность народа к государю, а также убедить прессу, самого монарха и его окружение в наличии прогрессивных тенденций на пути к утверждению гражданского равенства.

Формы и способы взаимодействия власти с подданными

С этими настроениями Россия встретила и новое столетие, и нового, как позже оказалось – последнего, самодержца Российской империи – Николая II. Презентация образа Николая II отражена в многочисленных исследованиях таких авторов, как Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин [1], Г. З. Иоффе [6], Д. Ливен [15], С. Л. Фирсов [12] и др. Тем не менее, однозначного ответа на вопрос, какой концепции презентации монархии придерживался Николай Александрович Романов, нет.

Источниковая база исследуемого вопроса полна противоречивыми и не всегда объективными отзывами о взаимоотношениях Николая II с населением в целом и разными социальными группами в отдельности. Довольно однозначным видится лишь отношение императора к интеллигенции, упоминание о которой он даже предлагал вычеркнуть из словарей. Между тем, за неудачным диалогом власти с интеллигенцией скрывается одна из самых болезненных проблем эпохи. В конечном итоге именно интеллигенция приложила максимум усилий в борьбе с российским самодержавием и внесла немалый вклад в его свержение. При этом ошибочно думать, что государь этого не замечал. Так, например, на встрече с рабочими Балтийского завода он призывал: «Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте смущать себя дурным людям, которые такие же враги вам, как враги и Мне» [11].

Отношения монарха с доминирующими (по разным параметрам) в социальной структуре империи сословиями, дворянством и крестьянством (то есть народом), складывались не так однозначно. Особую важность для нас представляет именно этот ракурс проблемы, так как на примере этих социальных групп возможно проследить трансформацию имперской стратегии презентации власти в годы правления последнего российского императора. Работа основана на широком круге источников: свидетельствах современников, материалах фольклора, а также речах и записях самого Николая II, что позволяет изучить вопрос наиболее объективно.

Отношения Николая II с консервативно настроенным дворянством складывались в традициях венценосной семьи. Многочисленные, но немногословные речи императора, озвученные на приёмах дворянства

различных губерний, всегда оканчивались выражением «сердечной благодарности за радушный прием и гостеприимство» и поднятием тоста «за здоровье дворянства и его процветание» [Там же]. Примечательно, что не меньшую долю уважения и благодарности «за верность» император выказывал и элите национальных окраин, например, выслушав адрес дворян Тифлисской губернии, император ответил следующее: «Императрица и Я очень рады видеть вас всех здесь и вновь услышать уверение в ваших верноподданнических чувствах, в которых Я никогда не сомневался» [Там же].

Приоритетными для императора оставались интересы поместного дворянства, что лишало его способности адекватно ответить на вызов времени, например, обеспечить быстрый и эффективный переход страны к индустриальному способу производства. Еще на заре своего царствования, в дни коронационных торжеств, царь обратился к представителям поместного дворянства со словами: «Благодарю вас сердечно за ваши чувства и верную службу. Не сомневаюсь в том, что дворянство всегда будет, как оно и было, опорою Престола и искренно ценю полезное и бескорыстное участие дворянства в местных делах» [Там же]. Отдельно государь подчеркнул свою осведомленность о «трудном времени, переживаемом поместным дворянством» и заверил последних в том, что «не забудет его нужду» и проявит заботу о «преуспеянии нашего дорогого отечества» и «поместного дворянства» [Там же], о чем ярко свидетельствует проводимая в дальнейшем под руководством В. К. Плеве внутренняя политика.

Шаблонность и краткость речей выдает формальный и безынициативный подход государя. Тем более, что в случаях, когда представители дворянства становились «отступниками» от концепций традиционализма и тандема власти и элиты, император реагировал не так благосклонно. Например, ответ, данный Николаем II представителям земских депутаций в январе 1895 года о «бессмысленности мечтаний» об ограничении власти российского самодержца конституцией западного образца. Однако необходимо также учитывать тот факт, что данная фраза является оговоркой, так как подготовленный заранее вариант речи содержал указание на «беспочвенные мечтания». А данное выражение имеет совершенно иной смысл. Оно подчеркивает несоответствие самой идеи ограничения монаршей власти русским национальным традициям, но не исключает самого факта трансформации последних. Тем не менее именно эта досадная оговорка многократно использовалась критиками из числа либералов как доказательство «деспотизма» Николая II.

Таким образом, публичная модель взаимоотношений монарха с элитой в начале XX столетия приобрела застывшие, казённо-официозные формы, в которых хоть и оставалось место священной особе императора, но «возлюбленный монарх» и демонстрация любви к нему уже не занимали «душ бюрократов», а наоборот, превратилась в обременительную рутину. Например, В. Н. Ламздорф хвалил своего начальника А. Б. Лобанова-Ростовского за то, что тот «никогда не направляет никаких поздравительных телеграмм государю», считая, что такая позиция корректна, объективна и лишена подобострастия [7, с. 343]. На данном примере видно, что сакральная репрезентация власти монарха и его требования особого отношения к своей персоне воспринимались частью современников как анахронизм. Хотя не мало оставалось и тех дворян, которые сохраняли верность традиционному образу императора как помазанника Божьего, наделенного неограниченной властью.

Еще более неоднозначно складывались взаимоотношения Николая II с «простым народом». Расхожие мифы о Николае II, укрепившиеся в XX в., преподносят его не кем иным как «висельником», «кровавым», «убийцей народа» и т.п. Однако многие современные исследования опровергают этот однозначный образ, напротив, указывая на то, что император с большой любовью относился к крестьянам и солдатам, говорил с ними «на понятном им языке», а «простой народ, далекий от столицы, отвечал государю взаимностью» [2, с. 46]. Это только подтверждает идею о том, что недовольство властью существовало в основном среди интеллигенции, модерирующей действия масс.

Государь-император Николай II – «народный благодетель»

В воспоминаниях многих современников, не связанных между собой настолько, чтобы записанные ими суждения дублировали друг друга, сохранились свидетельства подлинной отеческой заботы о русском крестьянстве, о простом народе и выражаемых императором чувствах любви к нему.

И ярые монархисты, и «законченные либералы», и люди, подробно не сведущие в политике, признавались, что император Николай «глубоко, реально любит [крестьянское сословие], и в нем любит Россию; любит народ в деревне, в армии, всюду, где бы ни проявлялась его сила» [13, с. 207], «особенно горячо любил Государь простонародье и русского крестьянина, к улучшению жизни которого Государь стремился всей душой» [4, с. 113].

О щедрости Николая II вспоминал флигель-адъютант А. А. Мордвинов: «Он помогал, сколько мог, из своих собственных средств, не задумываясь о величине просимой суммы, в том числе и лицам, к которым, я знал, он был лично не расположен. “Он скоро раздаст всё, что имеет”, – говорил мне однажды покойный князь Н. Д. Оболенский, управляющий кабинетом Его Величества, основывая на этом даже своё желание покинуть занимаемую должность» [9]. Слова Мордвинова подтверждают и воспоминания баронессы С. К. Буксгевден, которая характеризует Николая как человека щедрого, готового помогать, но, к сожалению, часто не имевшего при себе денег: «Однажды, когда он был в провинциальной церкви на обедне, староста подошел с тарелкой. Я увидела большое смущение среди членов императорской семьи, сзади которой я стояла. Великая княжна Татьяна Николаевна наклонилась ко мне: “Не могли бы вы одолжить отцу десять рублей золотых?”, –

спросила она шепотом. Я вынула монету и сунула ей в руку. А на другой день я получила посылку с личной печатью Государя. В ней была маленькая, из чудной голубой эмали коробочка, в которой лежала золотая десятирублевка, на небольшой бумажке Государь написал: “От благодарного должника щедрой заимодавице”» [5]. Курьезный случай одновременно стал и подлинной демонстрацией заботы императора и его семьи о нуждающихся, и подтверждением «взаимовыручки» между императором и элитой – традиционной опорой власти.

Современники также отмечали непоколебимую веру Николая II в чистоту крестьянской души. Торжества 1909 года по случаю победы в Полтавской баталии предоставили императору возможность встретиться с представителями народно-крестьянской России: «Перед царем развернулась вся картина крестьянской жизни, их забот и обычаев. Столыпин со своей стороны задавал крестьянам вопросы, вызывая их высказаться по занимавшему государя и его вопросу о разверстании надворной чересполосицы и хуторскому расселению. Ответы крестьян были метки и веселы; смеялся государь и все присутствовавшие» [3, с. 266]. Однако услышанное не сподвигло императора и его сановников к детальному изучению «крестьянского вопроса» и содействию к его разрешению. Впрочем, говорить о «благородном неведении» императора о нуждах крестьян тоже не приходится – еще за несколько лет до этого события под руководством С. Ю. Витте была проведена колоссальная работа по сбору сведений, их систематизации и разработке проекта преобразований, который под натиском реакционера В. К. Плеве «лег под сукно».

Еще одно событие, которое могло стать залогом единения двух Российских империй, «империи элиты» и «империи народа», – открытие Государственной Думы. В 1905 году, пойдя на уступки тем, кто требовал от императора поделиться с ними властью, Николай II обнародовал закон о созыве Государственной думы, в результате чего 42% всего состава первой Думы оказались крестьяне. Но результат оказался провальным, виной чему – несогласованность действий депутатов Думы и членов Правительства, а также отсутствие готовности власти пойти по пути «глубоких» реформ. В последующих Думах доля крестьянских депутатов была значительно урезана.

На первый взгляд, отношение императора к Думе видится весьма однозначным: воспитанный консерватором К. П. Победоносцевым, убежденным в «лживости» и чуждости для России представительного правления; согласившийся на подписание Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) только под давлением обстоятельств (Первой русской революции) и С. Ю. Витте, государь вряд ли мог воспринимать эту идею с оптимизмом (вспомним знаменитую карикатуру тех лет). Однако при внимательном изучении источниковой базы мы обнаруживаем свидетельства заинтересованности государя в представительном правлении, озвученные им за несколько месяцев до октября 1905 г. В июне того же года на встречах с депутацией Курского дворянства государь поблагодарил собравшихся за энтузиазм и заверил в том, что сознает «ту пользу, которую может принести в будущем законосовещательном учреждении присутствие двух основных земельных сословий – дворянства и крестьянства, которые искони делили радость и горе со своими Царями» [11]. А после, на встрече с представителями от разных сословий и общественных учреждений, в ответ на выраженные собравшимися опасения и недовольства высказал убежденность в том, что «все и каждый в своем кругу» помогут Ему «водворить мире и тишину в земле нашей» [Там же].

Таким образом, Дума, будь она грамотно и сбалансированно организованна, имела шансы обеспечить государю лояльность и элиты, и народа. Однако практический период её деятельности убедил современников в обратном. Государю все сложнее было находить баланс между консервативно-охранительными обещаниями, данными дворянству, и желанием сплотить вокруг «царя-батюшки» простой народ.

300-летний юбилей династии Романовых стал важной вехой на пути трансформации концепции репрезентации власти. Проводимые торжества были подчинены главной цели – убедить не только подданных, но и самого себя в неразрывности истории России и личного монархического начала. Более того, Николай даже попытался предпринять меры в этом направлении: осенью 1913 г. были сокращены полномочия Думы, а вскоре началась Первая мировая война, которая дала императору еще больше возможностей заявить о себе как отце нации, чем ранее.

Строки манифеста об объявлении войны содержали в себе призыв ко всему российскому обществу сложиться в *грозный час испытаний и забыть внутренние распри. Укрепить ещё теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом, отразив дерзкий натиск врага от России, поднявшись как один человек*. Это не что иное, как демонстрация того, что для монархии во все времена особенно важно встать во главе страны, воспринимающей царя как родителя. Акцент на идее единения населения и монарха перед столь глобальной угрозой, как мировая война должен был способствовать нивелированию распрей и сомнений. Стоит отметить, что ожидаемого эффекта удалось добиться в первые недели войны. Однако последующие действия власти как на фронте, так и во внутриполитических вопросах «охладили» как народные массы, толкнув их в пучину революционной пропаганды интеллигенции, так и промонархически настроенную аристократию.

Заключение

Таким образом, «стремясь защитить свои самодержавные прерогативы, Николай отдалил от себя как традиционных сторонников монархии, так и приверженцев новых институтов – и тем самым подвел под удар священный образ царя» [17, p. 34]. Для многих представителей того времени это означало не что иное, как предательство монарха по отношению к своему народу, к своей стране.

Особенно показателен тот факт, что подобные настроения не обошли и монархистов. Так, М. О. Меньшиков, русский мыслитель-патриот, консервативный публицист и общественный деятель, записал в своем дневнике за 1918 г.: «Не мы, монархисты, изменники ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, которое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от престола? Точно престол – кресло в опере, которое можно передать желающим» [8, с. 16].

Желая укрепить власть и целостность нации, последний российский самодержец оказался не способен реанимировать консервативную идею единения царя с народом, уходящую корнями в историю Московии, не потому, что народу она уже была не близка, а потому, что она противоречила интересам дворянской аристократии и всей концепции власти, сложившейся в эпоху становления и укрепления абсолютизма в России.

Тем не менее идея монархического правления сохранила свою актуальность не только в период Гражданской войны, но и в более поздние годы, что свидетельствует о фундаментальности самой концепции монархической власти.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы автор видит в увеличении привлекаемого круга источников, а также расширении временных рамок на постимперскую эпоху.

Источники | References

1. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58-76.
2. Барк «Непотопляемый» // Родина. 2017. 1 ноября.
3. Государь Император Николай II Александрович: сборник памяти 100-летия со дня рождения / под ред. С. Завалишина. Нью-Йорк: Всеславянское Изд-во, 1968. 380 с.
4. Жильяр П. Император Николай II и его семья / пред. С. Д. Сазонова. М.: МАДА, 1991. 287 с.
5. Император Николай II в воспоминаниях современников [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/iz-perezhitogo-vospominaniya-fligel-adyutanta-imperatora-nikolaya-ii-tom-1-read-566210-1.html (дата обращения: 06.07.2021).
6. Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 349 с.
7. Ламздорф В. Н. Дневник. 1894-1896. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.
8. Меньшиков М. О. Письма к ближним: статьи, фельетоны и заметки [Электронный ресурс] // Современники о Николае II. URL: https://politshturm-livejournal-com.turbopages.org/politshturm.livejournal.com/s/10383.html (дата обращения: 12.07.2021).
9. Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/iz-perezhitogo-vospominaniya-fligel-adyutanta-imperatora-nikolaya-ii-tom-1-read-566210-1.html (дата обращения: 06.07.2021).
10. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. СПб.: Лениздат, 1991. 717 с.
11. Собрание речей Императора Николая II [Электронный ресурс]. URL: http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html?m=1 (дата обращения: 06.07.2021).
12. Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. 524 с.
13. Царь и Россия: размышления о государе императоре Николае II / сост. П. Белоусов. М.: Отчий дом, 2017. 740 с.
14. Юдин Е. Е. Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894-1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99-132.
15. Liven D. Nicholas II. Emperor of all the Russias. L.: John Murray, 1993. 292 p.
16. Wortman R. S. Scenarios of Power - Myth and Ceremony in Russian Monarchy: in 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995. Vol. 1. 469 p.
17. Wortman R. S. Scenarios of Power - Myth and Ceremony in Russian Monarchy: in 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 2000. Vol. 2. 580 p.

Информация об авторах | Author information

RU **Кружалина Анастасия Алексеевна**[1], к. ист. н.
[1] Иркутский государственный университет

EN **Kruzhalina Anastasiia Alekseevna**[1], PhD
[1] Irkutsk State University

[1] *kliokrua@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Николай II; репрезентация монархии; власть и общество; концепция самодержавия; Nicholas II; monarchy image presentation; power and society; autocracy conception.